

≈ 31 мин

О «Красных бригадах» и прочих вооружённых коммунистических организациях Италии и в нашей стране, и за рубежом написано и сказано немало лжи.

Поразительно, но самое мощное городское партизанское движение Европы, на протяжении десятилетий находившееся под прицелом телекамер и полицейских винтовок, имевшее заграничные филиалы и сотрудничавшее с палестинским Сопротивлением, так и не получило объективного освещения и критической оценки.

Честные и пронзительные мемуары, вроде тех, которые оставил после себя экс-«бригадист» Просперо Галлилари, и добросовестные исследования историков и публицистов, искренне пожелавших разобраться в вопросе, затерялись среди тонны низкокачественной журналистики, плаксивых раскаяний отступников и ренегатов вроде Альберто Франческини, сенсационных «разоблачений», конспирологического бреда и бульварной публицистики, нацеленных на дегуманизацию и криминализацию облика бойцов коммунистического подполья.

Отличилась в этом и советская пропаганда эпохи Брежнева, немало «поработавшая» над образом бойцов итальянской городской герильи.

Похищение Альдо Моро¹ в советской прессе было расценено как *«драматическое событие, направленное на подрыв республиканского строя»* («Правда», 17 марта 1978 г.), а акция «Красных бригад» оказалась *«тщательно разработанным планом, к которому причастны силы международной реакции»* (там же). На следующий день в «Известиях» заговорили о *«варварском акте террористов»* и *«вылазке провокаторов»*, на всякий случай добавив, что генеральный секретарь ИКП тоже резко осудил преступление.

Вслед за ревизионистской советской прессой (и вторящей ей буржуазной западной) заслуженный «терроролог» В. В. Витюк в своём опусе «Под чужими знамёнами»², не жалея цветастых эпитетов, говорит о «*террористическом шабаше*» (с. 29), «*толпах разнузданных юнцов*» (с. 40), «*бандитских акциях*» (там же), «*кровавых буйствах*» (с. 41), «*левотеррористическом пожаре*» (с. 42), «*садистской комедии*» (с. 91) [применительно к ликвидации лидера Христианско-демократической партии А. Моро]. Не отставал в тональности инвектив и его «единомышленник» Светозар Эфиров, признанный «специалист» по левому терроризму. Верно, что итальянское сопротивление не породило таких ярких лидеров, теоретиков и практиков городской герильи, как К. Маригелла или У. Майнхоф, имена которых прогремели по всему миру. Витюк не без злорадства вторит журналистам, что «*Ренато Курчо — „исторический лидер“ „Красных бригад“ — личность довольно бесцветная, и только пресса придала ему репутацию значительной фигуры*» (с. 102). Сложным остаётся и вопрос отношения «бригадистов» к классической стратегии революционного марксизма, «кодифицированной» Третьим Интернационалом.

Конечно, пропагандистские материалы «бригадистов» содержат неоднократные заверения о приверженности ленинской и сталинской линии на пролетарскую революцию в эпоху империализма, о понимании своей борьбы в русле «революционного авангарда», который провозглашали «Красные бригады», а впоследствии и отделившиеся от них группы. Италия воспринималась ими как «слабое звено» империализма (для неё использовался акроним «SIM», «Stato Imperialista delle Multinazionali» — «империалистическое государство корпораций»).

В то же время, в идеологических истоках «бригадистов», их интеллектуальном «бэкграунде», круге чтения остаётся немало тёмных мест³ : скажем, среди активистов коммунистического подполья было немало верующих католиков. Верно и то, что движение, число активных участников которых насчитывало на пике своей активности десятки тысяч человек, бросивших вызов всей политической системе буржуазного государства, допустило ряд серьёзных ошибок и понесло неоправданно высокие, подчас невосполнимые потери. Однако отрицательный результат — тоже результат, и совершенно очевидно, что опыт людей, отчаянно боровшихся с капиталистической системой и успешно противостоявших поднимающим голову неофашистским группировкам, достоин свежего критического взгляда и самого внимательного изучения.

В тени растиражированных в буржуазной прессе лидеров радикальной коммунистической альтернативы, многие из которых ныне переродились в богемных фигур и беззубых «гражданских» активистов, остаются фигуры простых рабочих, пожертвовавших своим личным комфортом, свободой, а нередко и жизнью ради борьбы с буржуазным государством. И опыт участия в решительной и бескомпромиссной борьбе таких рабочих активистов, разочаровавшихся в беспомощных профсоюзных играх и двусмысленной политике «Коммунистической партии Италии», некогда одной из крупнейших и влиятельнейших политических сил в Европе, требует самого пристального внимания и серьёзного изучения. Наш очерк не преследует цели дать развёрнутую картину вооружённой борьбы итальянских леворадикалов — материалов по этой теме предостаточно (и на вполне доступных языках). Вместо этого мы обратимся к истокам движения, следуя вехам политической биографии одного из его виднейших представителей — Просперо Галлилари⁴ .

«Человек — социальное существо, которое живёт во взаимодействии с другими социальными существами. По этой причине я полагаю, что общественное бытие, имеющее политическое и культурное происхождение, классовая принадлежность являются основами, подноготной человека...»

Такими словами Просперо Галлилари, тяжело больной заключённый, ни в чём не раскаявшийся и так и не признавший буржуазное «правосудие», предварял свои воспоминания, вышедшие в свет в 2006 году, за шесть лет до своей смерти. Среди бойцов итальянского вооружённого коммунистического подполья, представленного в 1970-80-х годах целым спектром организаций — «Красными бригадами», «Первой линией», «Пролетарской автономией», «Вооружёнными пролетарскими ячейками» и другими группами — были самые разные люди с разным прошлым. Здесь хватало выходцев из консервативной мелкобуржуазной среды (Марио Моретти⁵), образованной университетской молодёжи, как правило, студентов гуманитарных факультетов (выпускниками университета в Тренто были «исторические лидеры» «бригадистов» Ренато Курчо и Маргерита Кагол), но было здесь и немало радикализировавшихся профсоюзных активистов и простых промышленных рабочих севера Италии, что, кстати, не без досады признавали и их обличители. Неслучайно, что первая «атака», растянувшаяся почти на четыре года, была нацелена на «фабрику» — нервный узел и квинтэссенцию противоречий капиталистической экономики.

Марио Моретти, в юности устроившийся техником в итальянский филиал «Сименс» в Милане и завязавший тесные связи с профсоюзными деятелями, вспоминает своё промежуточное, подвешенное положение привилегированного звена в производственном процессе, не позволявшее ему, тем не менее,

ассоциировать себя с интересами собственника. В первые годы существования (1970-74 годы) «Красные бригады» действовали в тени бурлящего рабочего движения североитальянских предприятий (Pirelli, SIT-Siemens, Sesto, Torino), где они имели некоторый, пусть и кратковременный, успех: коммунистически ориентированные рабочие, относясь к «бригадистам» с настороженной, сдержанной симпатией, спорили с их активистами, не соглашались с ними, однако не выдавали их и время от времени распространяли их «летучие» листовки (volatini)⁶, впервые появившиеся на предприятии SIT-Siemens в Милане. Неслучайно Моретти прямо заявляет, что *«Красные Бригады по большей части происходят из фабричной среды»*⁷. Можно также вспомнить и трагическую судьбу генуэзского рабочего Франческо Берарди, преданного в 1979 году профсоюзным активистом Гвидо Росса, который незамедлительно поплатился за это жизнью.

Большая группа будущих «бригадистов» происходила из коммунистической молодёжи традиционно левацкого городка Реджио-нель-Эмилия. Среди них наибольший интерес представляет опыт борьбы и политического становления Просперо Галлилари — представителя *деклассированной молодёжи*, выходца из среды *сельского пролетариата*.

Здесь надо сказать, что в итальянской деревне долгое время, вплоть до середины двадцатого века, сохранялись средневековые по своей сути аграрные отношения: на юге (в Сицилии, Апулии и Калабрии) господствовали латифундии, встречавшиеся также и в округе Рима, на севере же бытовала кабальная аренда и испольщина. Вплоть до 1948 года в деревне повсеместно встречались унижительные феодальные подношения «сеньорам»-

арендодателям. Совсем юный Галлилари, родившийся в застойной аграрной провинции Реджио-Эмилии, очень болезненно ощутил понижение статуса его родителей-крестьян: будучи мелкими сельскими арендаторами, они перешли в категорию *испольщиков* — медзадров. Совсем рано он ощутил и социальные контрасты, разделявшие деревню. В юном возрасте Галлилари стал вести хозяйство, работая на земле... Несмотря на всё это, политическая жизнь итальянской провинции бурлила. Реджио-нель-Эмилия, провинциальная столица, традиционно считалась «красным» городом. Галлилари, очевидно, пользуясь понятийным аппаратом Антонио Грамши, одного из основателей Компартии Италии, говорит о настоящей *культурной борьбе*, которую развернули низовые организации КПИ против «христианских демократов», в которую непосредственно были вовлечены сельские и городские рабочие. В дело шли и такие нехитрые приёмы, как организация праздников и кинопоказов, в которых коммунисты буквально сражались за рабочих и крестьян и отбивали их у своих политических противников.

Пожалуй, самым важным здесь было наличие определённой *революционной традиции* и богатого опыта борьбы — прямого наследия итальянского Сопrotивления времён фашистского режима и нацистской оккупации. В этой традиции было воспитано множество будущих бойцов «Красных бригад» — выходцев из Реджио-Эмилии — сам Галлилари, Лауро Аццолини, Альберто Франческини, Роберто Оньибене, Тонино Пароли, Фабрицио Пелли.

Впоследствии «исторический лидер» «Красных бригад» Альберто Франческини, вступивший в «Федерацию юных коммунистов» в 15 лет, прямо утверждал, что борьба «бригатистов» была *прямым продолжением* партизанской борьбы

Сопrotивления. Без этой традиции в принципе невозможно понять невероятный размах леворадикальной борьбы в Италии, оставившей далеко позади громкие акции западногерманских левых.

КЛИЧ «AG VOL LENIN!» («ТАК ХОЧЕТ ЛЕНИН!»), РАЗДАВАВШИЙСЯ НА МЕСТНЫХ ЗАВОДАХ ЕЩЁ В 1920-Х ГОДАХ, ПРОШЁЛ ЖЕРНОВА ФАШИСТСКОГО ТЕРРОРА, С ЛИКОВАНИЕМ РАЗДАВАЛСЯ В КРОВАВЫЕ МЕСЯЦЫ 1943 ГОДА, КОГДА КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОСВОБОЖДЕНИЕ ТАК БЛИЗКО, И БЫЛ КАК НИКОГДА АКТУАЛЕН В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ.

Победа в борьбе с фашистским режимом отнюдь не привела к смене общественно-политического и экономического строя. Сильны были право-консервативные круги. Ведущие позиции в промышленности по-прежнему принадлежали таким монополистам, как FIAT и «Монтекатини». В 1946 году к управлению автомобильной компанией FIAT вернулся Витторио Валлетта, отстранённый от правления в 1945 году за коллаборационизм и симпатии к фашистскому режиму. Следующим тревожным сигналом стало покушение на лидера КПИ Пальмиро Тольятти в 1948 году. Несмотря на вспыхнувшую волну гнева и возмущения, коммунисты и бывшие партизаны по-прежнему терпеливо ждали директив сверху, а партия, сверху донизу пропитанная духом

соглашательства и реформизма, невозмутимо требовала «сохранять спокойствие», лицемерно предлагая разойтись по домам или вернуться к работе на буржуазных заводах.

Постепенно в среде промышленного и сельского пролетариата нарастало горькое ощущение преданного Соппротивления и растущее разочарование в *прежних методах* борьбы, которые, несмотря на относительно высокую дисциплинированность и организованность движения, не только не дали сколько-нибудь ощутимых политических результатов, но и обернулись *прямыми репрессиями*. Это привело к гибели многих активистов, увольнениям и многочисленным арестам рабочих. До переоценки личности П. Тольятти, его роли в сворачивании революционной линии КПИ, «двоедушия» и предательской позиции партии было ещё далеко: лишь спустя десятилетия члены «Красных бригад», уже находясь в заключении и подводя итоги своей десятилетней борьбы, не просто обвинят КПИ в ревизионизме, соглашательстве и череде компромиссов с праволиберальным режимом, но и объявят партию ни много ни мало «торговым посредником» между итальянской буржуазией и странами «социал-империализма» (так презрительно «бригадисты» отзывались о Восточном блоке). Тем не менее, новые веяния не заставили себя долго ждать уже в конце 1950-х и особенно в начале 1960-х годов. И для этого потребовалась *смена поколений*. Неслучайно Галлилари заявляет, что линия разлома в партии первоначально проходила между руководящими кадрами и молодыми активистами.

Важную роль в этом сыграла *международная ситуация*. Итальянские коммунистические силы того времени (не в пример нынешним!) даже в

провинции благодаря органам печати чутко реагировали на изменения в мире. Ощущалось растущее разочарование в забюрократизированном СССР, с содроганием и живым интересом следили за размахом коммунистической, антиколониальной и антиимпериалистической борьбы на Кубе, в Конго, Анголе, Алжире.

В то же время, КПИ, опасаясь изоляции, позорно поддерживала более-менее дружеские отношения с Французской коммунистической партией, чья позиция по Алжиру была, по сути, чудовищным предательством декларируемых принципов интернационализма и поддержки антиимпериалистической борьбы колониальных народов⁸.

Начиная с 1964 года, по воспоминаниям Галлилари, наблюдался растущий интерес к вооружённой борьбе в Индокитае, в первую очередь, во Вьетнаме, однажды уже победившем в тяжёлой и неравной войне с французским колониализмом. Ультраправый террор в Испании, Греции и США мобилизовал силы «Федерации юных коммунистов» Реджио в манифестациях против расизма и фашизма. И, самое важное, трагические события 1960-х годов, расширяя, обогащая горизонт стратегического мышления коммунистов, предлагали «ключ» к прочтению возможных сценариев развития ситуации у себя дома, на *итальянской почве*. Рос интерес к личностям Че Гевары, Малколма Икса. Интерес к освободительным и антиколониальным движениям среди бригадистов не угасал и в следующих десятилетиях: в будущем они внимательно изучали опыт тупамарос, иранских социалистов, бойцов эритрейского сопротивления. Большое впечатление на коммунистов оказало рождение качественного международного марксистского журнала «Monthly Review» в самом сердце

империалистической реакции — в США. Наконец, раскол коммунистического мира во главе с его ключевыми игроками — СССР, Китаем и Кубой — стал уже *свершившимся фактом* и приучал, волей-неволей, *мыслить самостоятельно*, а не ждать директив от беспомощных партийных структур, которые заняли сдержанную и настороженную позицию по отношению к освободительным движениям в странах Третьего мира. Знаковым моментом стала смерть Пальмиро Тольятти в августе 1964 года. Лучио Коллетти, известный итальянский марксист, впоследствии перешедший на неолиберальные позиции, покинул партию в этом же году, признав, что в 1956-64 году и советский режим, и западные коммунистические партии, насквозь бюрократизированные и консервативные, оказались неспособными к перестройке и возврату к принципам революционного марксизма⁹. В 1965 году китайские коммунисты в своей резолюции признали *принципиальные расхождения* с линией Пальмиро Тольятти. Галлилари признаётся, возможно, не без некоторого преувеличения, что эта резолюция стала, своего рода, *«священным текстом»*, в котором его поколение искало ответы на животрепещущие вопросы революционной борьбы на самом Западе¹⁰. Эти изменения проникали в среду коммунистов Реджио как через официальные партийные каналы, так и через те тревожные сведения о поднимающем голову фашизме и угрозе государственного переворота, которые в те месяцы распространялись и циркулировали по стране. Испания и Греция были *слишком близко* — не только в прямом, но и в переносном смысле. «Свист сабель» («rumore di sciabole») носился по стране. И это были не пустые слова. Ещё в 1960 кратковременно существовавший кабинет одиозного политика Фернандо Тамброни, отличившегося авторитарными и фашистскими тенденциями и открыто поставившего на неофашистское «Итальянское социальное движение» (ИСД), предпринял ряд кровавых мер против

манифестантов-коммунистов, протестовавших против проведения съезда ИСД в Генуе. В июле того же года в Реджио-Эмилии были убиты пятеро манифестантов. Всё это оставило неизгладимое впечатление как на бывших партизанах Сопротивления, так и на молодом поколении. Более того, немало активистов были поражены выжидательной и трусливой политикой КПИ. В 1962 году события повторились в Турине: на пьядца Статуто итогом забастовки промышленных рабочих стали ожесточённые столкновения с полицией. Как и следовало ожидать, и в этот раз КПИ и СПИ осудили насилие, возложив вину на неких «провокаторов», внедрившихся в рабочую среду. 9 октября 1963 года стачка строительных рабочих переросла в ожесточённые столкновения с десятками пострадавших и арестованных. 33 рабочих были осуждены на два года тюрьмы. В следующем году в Баттипалье (пров. Салерно, юж. Италия) сельскохозяйственные рабочие и крестьяне, обвинённые в захвате земли, были жестоко разогнаны полицией. Наконец, в 1967 году стали известны планы государственного переворота, готовившегося в 1964 году президентом Антонио Сеньи в сотрудничестве с командующим карабинерами Джованни де Лоренцо, итальянскими и американскими спецслужбами, связанными с так называемой операцией «Гладио»¹¹. Раскалывалась и сама КПИ. В 1965-66 годах наблюдался выраженный разлад между «левым крылом» во главе с Пьетро Инграо, ставшим впоследствии непримиримым критиком советского «реального социализма» и половинчатого реформизма КПИ, и «правым» крылом, в котором выделялся «исторический лидер» КПИ Джорджио Амендола. На XI партийном конгрессе 1966 года предсказуемо победила правоцентристская линия. Но всё это проходило в тени высоких столичных кабинетов. В глубоко провинциальном Реджио борьба протекала иначе. Галлилари в этой связи вспоминает показательный случай. 15 октября 1967 года, вскоре после гибели легендарного

Эрнесто Гевары, он решил проявить солидарность: вывесив на балконе своей партийной секции все найденные на складах знамёна, в том числе флаги КПИ и ФМИК, он запустил на проигрывателе революционные песни. Доверив ключи своему сослуживцу, взяв с него обещание сменить пластинки, Просперо вернулся к работе. Как и следовало ожидать, местный партийный секретарь взбесился и повелел снять все флаги, вдобавок заявив, что не ему, Галлилари, решать, за кого борется и по кому скорбит партия. Ведь Че Гевара, даром что признанный коммунист, был ещё и троцкистом (!) и авантюристом. И никакие споры тут не помогли: он-то ведь *секретарь*, а Галлилари всё ещё мальчишка.

Всё это толкало к партийным и внепартийным дебатам, самостоятельному чтению и напряжённой и непрерывной уличной борьбе, не прекращавшейся ни днём, ни ночью. Вспоминая эти годы, Галлилари признаётся, что не раз засыпал со своими *первыми книгами*, зачитанными до дыр, — с «Манифестом...» К. Маркса, «Железной пятой» Дж. Лондона, «Матерью» Горького, которые, по его собственным словам, так же вписаны в традицию итальянского Сопротивления, как и «Монте-Роза спустилась в Милан» Пьетро Секкьи. Частная жизнь юного Просперо проходила в тесном общении с *соратниками* по борьбе — нередко более старшего возраста, чем он сам, студентами и рабочими. Юный Галлилари, трудившийся по семь дней в неделю, стеснялся своих натруженных, мозолистых рук, своей юношеской полноты, был робок с женщинами и вынужден был ежедневно противостоять уродливому социальному расизму, естественному для косной провинциальной среды, где нередко можно было услышать наказания матерей, увещевавших своих дочерей ни в коем случае «...*en spusar mai un cuntadein!*» («никогда не выходить замуж за крестьянина»). В семнадцать лет он был горд считать себя «крестьянином-коммунистом». Оказавшись в среде

студентов профессионального училища, внимающих его идеям, он чувствовал, как его борьба, труд и ограниченный, но реальный политический опыт представляли значимость для этих молодых людей. Раскол между старыми и молодыми членами партии постепенно переставал ощущаться как простой поколенческий разрыв — ведь речь шла о серьёзных политических разногласиях. С момента конфликта с партийным секретарём это стало, наконец, ясно и самому Галлилари. КПИ, жившая прошлым днём, мифом о Соппротивлении, в повседневной борьбе, по его словам, шла по пути бесконечных уступок и компромиссов. А в ушах Галлилари в то же время раздавались слова Че: *«десять, сто, тысяча Вьетнамов!»*. Через Реджио той же осенью 1967 года прошёл «марш мира» против североамериканской агрессии во Вьетнаме, который впервые включил в себя представителей «непарламентских» левых — геваристов и троцкистов из Четвёртого Интернационала. Галлилари вовлекается в пропагандистскую работу, проделывая 30-40 километров в день, чтобы выступить на фабричных советах, школьных ассамблеях, в театрах. В то же время официальная повестка КПИ и «Федерации юных коммунистов», призывавшая к совместным (с демохристианами) и подчёркнуто «мирным» акциям протеста против политики США в Индокитае, с одними лишь зажжёнными свечами и без флагов и символики, начинала откровенно раздражать активистов. В конце концов, случился открытый конфликт, граничащий с провокацией. В поездке за город, на холмы, куда юные активисты отправились в конце лета, распевая революционные песни, почти на вершине горы Кусна молодые коммунисты столкнулись с непредвиденным препятствием: дорогу им преградило стадо, ведомое двумя пастухами. Галлилари с товарищами задался резонным вопросом, что делало стадо на горе, где почти не растёт трава, и бедным животным приходилось обглаживать скудные ростки

и коренья? Но самым поразительным было другое: в одном из «пастухов» без труда узнали активиста КПИ из Реджио. Несмотря на испорченный отдых, молодые люди не подали вида, но сомнений теперь не оставалось: партийные функционеры всерьёз взялись за молодёжь, готовясь чинить низовой, не подконтрольной партии деятельности самые мелочные препятствия.

Но это в Реджио. А в стране в это время начались захваты университетов — сначала в Тренто, «кузнице» леворадикальной молодёжи, затем в Пизе, а после, зимой 1967-68 годов — и в других учебных центрах. Симптоматичными стали заголовки в духе «*В Италии как во Вьетнаме*», — так была озаглавлена глава в работе известного леворадикального издателя и публициста Джанджакомо Фельтринелли¹², посвящённой опасности государственного переворота в Италии. Ренато Курчо, будущий лидер «бригадистов», цитирует бразильского революционера Марсело ди Андради, воспринимавшего лабиринты городского асфальта как ближайшие джунгли для герильи, а вооружённую борьбу — как «магистральный путь борьбы классовой». Постепенно приходило осознание того, что прежние методы борьбы с необходимостью должны быть пересмотрены; всё чаще раздавались голоса в пользу *военно-политической альтернативы*. Как и по всей Европе, 1968-й год был ознаменован всплеском рабочего и студенческого движения. Самое важное, что на трибунах и площадках, у микрофонов была налажена связь, диалог рабочих и студентов. Бастовали рабочие туринского FIAT, студенты захватывали университеты и переходили к решительным действиям. 1 марта 1968 года на Валле Джулия в Риме случилось настоящая битва между полицией и университетской молодёжью: сотни пострадавших (включая 148 полицейских и 478 студентов), четырёх арестованных и 228 задержанных, восемь сгоревших полицейских

машин... Прогрепевший по всему миру «68-й год» пришёл в Реджио только в следующем, 1969-м, в год грандиозной профсоюзной мобилизации промышленных рабочих, когда на весь мир прогремели события «жаркой осени»¹³. В феврале 1969 года планировался визит Никсона и ожидаемо обострились антиамериканские настроения. Повсеместно звучали характерные лозунги: «*Вон Италию из НАТО, вон НАТО из Италии!*». Ощущались эти настроения и в Эмилии-Романье, ведь относительно недалеко, в местечке Мирамаре близ Римини, находилась американская военная база. Именно Мирамаре избрали местом своей манифестации коммунисты. Сюда съехалась молодёжь из Тренто, Пизы, Милана, Турина, Рима. Всем им было, что сказать американцам: Вьетнам, события в Латинской Америке, от контрреволюционной высадки в Заливе Свиней до убийства Че Гевары, ожесточали коммунистических активистов и толкали их к решительным действиям. Потасовки и столкновения с полицией были незамедлительно расценены местными представителями КПИ как результат деятельности провокаторов, что сильно разозлило манифестантов, схлестнувшихся с партийными функционерами. Попытки наладить диалог ни к чему не приводили. Новое поколение, вдохновлявшееся Че Геварой и Мао, и косные партийные функционеры говорили *на разных языках* и совершенно *не слышали друг друга*. Невнятные слова партийных бюрократов об «итальянском пути» к социализму больше никого не устраивали. Теракт в Милане на Пьяцца Фонтана 12 декабря 1969 года, унёсший жизни семнадцати человек, в котором полицейские власти незамедлительно обвинили «анархоидов», стал точкой невозврата¹⁴. Спустя 25 лет сомнений у коммунистической молодёжи больше не оставалось. Больше никаких иллюзий по поводу природы этого буржуазно-полицейского государства. Причём прояснилось в голове не только у коммунистов: даже умеренные социалисты и

либеральные демократы всерьёз заговорили об угрозе фашистского путча на манер Греции. Оживлялись теоретические дискуссии, заново были открыты и прочитаны Люксембург, Троцкий, Лукач, восхищались Че Геварой и китайской «культурной революцией». Массово появлялись летучие листовки, газеты левой ориентации, которые нередко, как это обычно бывает, ограничивались 1-2 номерами. На левом фланге стихийно зарождаются многочисленные объединения «внепарламентской левой»: «Борьба продолжается», «Рабочая власть», «Служить народу», «Манифест», «Рабочий авангард», «Пролетарская левая» и т. д. Среди этих леворадикальных объединений был и прямой предшественник «Красных бригад» — миланский «Городской политический коллектив» (Collettivo Politico Metropolitano, ГПК), первым (в августе 1970 года) объявивший о переходе к *вооружённой борьбе*. И неслучайно, что именно в Реджио-Эмилии в том же месяце восемьдесят делегатов «Пролетарской левой» и ГПК объединяются для обсуждения и координирования действий в рамках новой стратегии.

В первых же месяцах 1969 года группа единомышленников (в их числе и Галлилари) находит пристанище (т. н. «Аппартаменто») на верхнем этаже одного из домов Реджио на улице Сан Пьетро, неподалёку от центрального комитета местной партийной организации. Здесь, в *свободной обстановке*, хотя и бессистемно, активно изучались Мао, Фанон и Че, бурно обсуждались насущные политические вопросы, читались новые, доселе неизвестные коммунистической молодёжи вещи, скажем, знаменитые «Красные тетради», выпускавшиеся в 1961-66 гг. Раньеро Панциери, известным теоретиком «операизма», а также тексты другого знаменитого операиста — Марио Тронти. Переосмысливались события недавнего прошлого, до того известные будущим

бригадистам лишь в пересказах официозных партийных газет «Унита» и «Ринашита». От фрустрации и бессильной злобы через вдумчивый анализ действительности молодые активисты приходили к формированию собственной, самостоятельной позиции, *новой политической идентичности* и новой коммунистической стратегии. Здесь, в «Аппартаменто» в Реджио, пересекались пути молодёжи из «Федерации юных коммунистов», социалистических организаций, анархистов и католиков из «One Way», близких к латиноамериканской «теологии освобождения». И в то же время для многих посещение этого чердака становилось *точкой невозврата*: они попросту исключались из партии. Но далеко не всех этот факт по-настоящему расстраивал. Так рождается «Рабоче-студенческий политический коллектив». До вооружённой политики остаются считанные месяцы. Для юного Просперо Галлилари и его единомышленников и соратников настоящая борьба только начинается.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Самая громкая акция «Красных бригад», заключавшаяся в похищении и

последующей ликвидации крупного итальянского буржуазного политика, христианского демократа Альдо Моро (1916-1978), ответственного за т. н. «исторический компромисс» между правыми и коммунистической партией, члены которой (впервые в Европе с 1940-х гг.) были введены в правительство в 1976 г., что являло собой заключительный этап перерождения некогда мощной и влиятельной партии в беззубую союзницу итальянской буржуазии. Был похищен бойцами римской колонны «Красных бригад» 16 марта 1978 г., допрошен и предан революционному правосудию 9 мая 1978 г. ↩

2. Цит. по: Витюк В. В. Под чужими знамёнами. Лицемерие и самообман «левого» терроризма. М., 1985. ↩
3. Среди «бригадистов», действительно, было довольно мало людей, теоретически подготовленных в марксистской традиции. Сложным остаётся и прояснение мотивов и классовой позиции таких «интеллектуалов», как криминолог и доцент Джованни Сенцани или литературовед Энрико Фенци. Немало вопросов вызывает аффиляция с «бригадистами» таких тёмных фигур, как философа и искусствоведа Коррадо Симиони. ↩
4. Gallinari P. Un contadino nella metropoli. Ricordi di un militante delle Brigate Rosse. Milano, 2012. ↩
5. Марио Моретти (р. 1946) — итальянский леворадикальный активист, стоявший у истоков создания «Красных бригад» и ставший одной из ключевых фигур в их структурах после ареста и гибели т. н. «исторических лидеров» движения. Решительный и беспощадный, он много сделал для реорганизации боевых групп и тыловых служб и стал главным организатором похищения и ликвидации А. Моро. В 1981 г. он был арестован и приговорён к шести пожизненным срокам, но в 1997 г. на условиях т. н. «семилиберта» («полусвободы») получил разрешение работать на гражданской службе с обязательством каждый день возвращаться

в тюрьму. ←

6. Moretti M. *Brigate Rosse. Una storia italiana*. Intervista di Carla Mosca e Rossana Rossanda. Milano, 1994. P. XXI. ←
7. Там же. Стр. 7. ←
8. Оппортунистическая, лицемерная и двусмысленная позиция французской коммунистической партии по поводу позорной колониальной войны сделала её мишенью для леворадикальных критиков всех мастей. В 1957 г. Ж.-П. Сартр открыто обвинил французских коммунистов в недостаточно решительном осуждении действий озверевших колониальных войск в Алжире. Действительно, партийная пропаганда и антивоенные меры, метавшиеся между «ленинскими догмами» и нуждами «реальной политики», требовавшими уважать «ценности» Французской республики, не имели никакого эффекта на ход войны и скорейшее заключение мира. ←
9. См. знаменитое [интервью](#) П. Андерсона с Л. Коллетти) ←
10. Gallinari P. Указ. соч. Стр. 40. ←
11. «Гладио» — название серии контрреволюционных мер, предпринятых североамериканской разведкой в Европе по противодействию коммунистической угрозе. ←
12. Фельтринелли Джанджакомо («Джанджи», «Освальдо», 1926—1972) — итальянский леворадикальный публицист и издатель, основатель Института по изучению рабочего движения (1949) и одноименного миланского издательского дома (1954), выпустившего, в частности, «Боливийские дневники» Че Гевары. В 1968 г. пытался установить контакты с сардинскими националистами, рассчитывая создать в Сардинии партизанский очаг по аналогии с Кубой и Вьетнамом. С декабря 1969 г. на нелегальном положении, занимался организацией и финансированием вооружённого коммунистического подполья

(т. н. «Группа партизанского действия», 1970). По официальной версии, погиб при транспортировке взрывчатки. ↩

13. «Жаркая осень» — принятое в литературе и публицистике название событий 1969 г., ставших прелюдией к «свинцовым семидесятым». ↩
14. Речь идёт о теракте в помещении Итальянского национального банка в Милане, в котором первоначально были обвинены анархисты (один из которых при невыясненных обстоятельствах погиб, находясь в задержании), а позднее — неофашистские активисты и агенты спецслужб. Несмотря на то, что виновные так окончательно и не были выявлены (последний процесс по делу состоялся совсем недавно, в 2000-2005 годах), теракт послужил толчком к радикализации левых студенческих движений, запустив маховик революционного террора т. н. «свинцовых семидесятых». ↩